

ТАНА КРИПС БАГРЯНЫЕ ВРАТА



18+

Тана Крипс

Багряные Врата

<https://litres.ru/73919196>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анна

Я отправилась на поиски своей сестры Сары. Все, что у меня было — это слухи о таинственной «Общине Багряных Врат», чей лидер, обещал спасение и просветление своим последователям. Я внедрилась в их ряды, надеясь найти ее. Я должна играть роль, чтобы выжить. Но каждый день, проведенный здесь, менял меня. Мои страхи росли, и я понимала, что «Отец» видит во мне не просто последовательницу.

Элиас

Меня называют «Отцом», и я веду свою паству к свету. В мире, погрязшем в грехе и отчаянии, только община предлагает истинное спасение. И вот в нашу обитель пришла она. Сначала я видел в ней лишь потерянную овцу, нуждающуюся в наставлении. Но очень скоро разглядел нечто большее. Будет ли она нашим спасением или погибелью? Это зависит только от её выбора. И я сделаю все, чтобы направить ее на истинный путь. Ведь я — ее Пастырь. И я знаю, что лучше для нее.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	40
Глава 7	46
Глава 8	55
Глава 9	68
Глава 10	81
Глава 11	92
Глава 12	98

Тана Крипс

Багряные Врата

Глава 1

Анна

Октябрьский ветер хлестал в лицо ледяными брызгами, когда я рассекала утреннюю прохладу на своем старом мотоцикле. Ноябрь был не за горами, а вместе с ним — тоскливые серые дни и промозглые вечера. Я ненавидела осень.

Я ненавидела ее за то, что она пахнет увяданием. За то, что листья гниют на земле, как надежды, которые никто не похоронил.

Я неслась по набережной, отчаянно стараясь заглушить терзающее меня чувство тревоги. Последние несколько недель были просто кошмаром. Сара — моя неугомная, вечно ищущая приключений сестра — словно растворилась в воздухе. Ни звонков, ни сообщений, ни намека на то, где она может быть.

«Может, она просто устала от тебя», — шепнул внутрен-

ний голос. Я привыкла его игнорировать. Но сейчас он звучал слишком убедительно.

Сначала я думала, что она сбежала с очередным парнем. Но она всегда сообщала мне о своих планах, даже когда дело касалось откровенных идиотов. А тут — ничего. Словно кто-то выключил звук в ее жизни. И в моей заодно.

Увидев неподалеку от себя старое кафе, решила остановиться, чтобы согреться горячим кофе. Зайдя внутрь, я увидела лишь нескольких посетителей, а в углу, за столиком у окна, сидели две молодые девушки. Я села напротив них и заказала себе обычный черный кофе без сахара. Горький. Как всегда.

Девушки напротив о чем-то шептались, и я не обращала на них внимания, пока не услышала отрывок разговора, который заставил меня замереть.

— ...и Элиас говорит, что Сара особенно важна для нашего нового ритуала. Она так красиво поет, что ее голос открывает двери в другой мир...

Моя чашка замерла на полпути к губам.

Сара.

Совпадение? В этом городе — возможно. Но мое нутро говорило иначе. Там, где пахло опасностью, я всегда оказывалась права.

Я подняла голову и посмотрела на девушек. Одна из них — с длинными волосами и бледным лицом — говорила с энтузиазмом. Ее глаза горели фанатичным блеском. Другая слушала ее с каким-то опасливым выражением лица, теребя край рукава.

— ...но мне немного страшно, понимаешь? — продолжала девушка, понизив голос. — Все эти жертвоприношения... Я не уверена, что это правильно.

— Тише ты, — шикнула на нее подруга, оглянувшись по сторонам. Ее взгляд скользнул по мне — и на мгновение замер. — Если нас услышат, будет плохо. Элиас не терпит сомнений.

— А если у меня они есть? — тихо спросила первая.

— Тогда молись, чтобы он об этом не узнал.

Мое сердце бешено заколотилось. Что, если они говорят о моей сестре? Это был мой шанс.

Я сделала глубокий вдох, допила кофе одним глотком. Глотком который обжег горло. Выругавшись про себя я подошла к их столику.

— Простите, я не хотела подслушивать, — начала я, стараясь говорить как можно дружелюбнее. Внутри все сжалось. — Просто случайно услышала ваше упоминание об Элиасе. Я тоже интересуюсь его учением.

Девушки переглянулись. На их лицах отразилось подозрение.

— А вы кто? — спросила та, что говорила первой.

— Меня зовут Пэнни, — сказала я, даже не моргнув.

Ложь вылетела легко, как выдох. Я оставила свое настоящее имя себе. Здесь, в их мире, меня не должно существовать. Только Пэнни. Пустая оболочка, за которой прячется Анна.

— Я... я ищу смысл жизни, — продолжила я, позволяя голосу дрогнуть. Самую малость. — И мне кажется, что учение Элиаса может мне в этом помочь.

Ложь. Но она пахла правдой — потому что отчаяние не умеет притворяться.

Я старалась выглядеть как можно искреннее. Потерянная овечка, жаждущая обрести пастыря. Опустила взгляд, сложила руки на груди — закрытая, уязвимая поза.

Поверьте. Пожалуйста.

Девушка, казавшаяся более разговорчивой, немного ослабилась.

— Правда? Это здорово! У нас в «Багряном доме» очень здорово... ну, кроме некоторых моментов...

Она бросила взгляд на свою подругу, которая все еще смотрела на меня с подозрением. Та не проронила ни слова. Просто сжимала кружку так, будто та могла ее защитить.

— Я немного читала о вашем сообществе, — продолжала я, чувствуя, как время сжимается вокруг нас. С каждой секундой Сара могла быть где-то там, за стенами, которые я еще не видела. — И мне кажется, что это именно то, что я искала. Скажите, а как можно к вам присоединиться?

— Это несложно. — Девушка оживилась, ее глаза загоре-

лись. — Просто приходишь на собрание и показываешь свою заинтересованность... Главное, чтобы ты была готова отбросить все свои сомнения и верить Отцу.

— Сомнения? — переспросила я, изображая удивление. — Но разве сомнения — это не нормально? Разве не нужно задавать вопросы?

Она наклонилась ближе. На ее лице промелькнуло что-то — то ли сочувствие, то ли предупреждение.

— Вопросы — это хорошо, — сказала она почти шепотом. — Но только если они не противоречат учению Элиаса. Он лучше знает, что нам нужно. Он — наш проводник в светлое будущее.

— Даже если это будущее пахнет кровью? — вдруг встала вторая девушка. Ее голос дрожал. — Прости, Лилит, но я больше не могу молчать.

— Сара! — Лилит схватила ее за руку. — Ты же знаешь, что будет, если...

— А по-моему, ты слишком много говоришь, — холодно оборвала я. Неожиданно даже для себя. — Если боишься — зачем остаешься?

Обе девушки уставились на меня.

— Потому что уйти нельзя, — тихо ответила та, что по-малкивала. Ее взгляд был пустым. — Элиас не отпускает. Никого.

Повисла тишина. Кафе зашипело паром кофемашины, за окном проехала машина, кто-то за соседним столиком засмеялся.

— Я понимаю вас, — наконец сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — И я полностью готова доверять ему. Скажите, а как часто проходят ваши собрания?

— Каждый вечер. Если хочешь, мы можем тебя туда сегодня отвести.

— Это было бы здорово! — воскликнула я, изображая восторг. Внутри же все похолодело. — Я буду вам очень благодарна.

Девушка с темными волосами протянула руку:

— Я — Лилит, а это моя подруга Сара.

Я пожала ее руку — холодную, с длинными наманикюренными ногтями. Мое сердце пропустило удар.

Какая ирония.

— Очень приятно, Лилит, Сара, — ответила я, стараясь сохранить спокойствие. — Я уверена, что вы поможете мне найти свой путь. И... я слышала, что у вас есть девушка по имени Сара. Как она? — спросила я как бы между прочим, делая глоток уже давно остывшего кофе.

Лилит нахмурилась и прикусила губу. Ее подруга неловко поерзала на стуле.

— С Сарой все хорошо... — Лилит отвела взгляд. — Она немного особенная. Поет в нашем хоре...

— А хор — это важно? — не сдавалась я.

Лилит кивнула, но ее глаза стали какими-то стеклянными.

— О, очень! Сара такая талантливая девушка! — в ее голосе появились нотки, которых я не могла распознать. — Она незаменима. Вот только почти все время проводит в залах Багряных.

— В залах? — переспросила я. — Что это значит?

— Это священное место, — процедила вторая девушка.

— Туда пускают не всех.

— Вот значит как... — я сделала паузу, делая вид, что раздумываю. — Вы, наверное, часто с ней видитеесь, да?

Лилит покачала головой. Ее лицо стало бледнее обычного.

— Вообще-то, нет. — Она понизила голос до шепота. — Она избранная. Ей не нужно пачкаться на земле, как нам. У нее особая миссия...

— Туда не пускают, — фыркнула Сара. В ее голосе впервые проскользнула злость.

— Никто не должен отвлекать ее от пения! — резко оборвала Лилит. — Ты же знаешь правила.

— А я и не спорю, — буркнула Сара и отвернулась к окну.

— Ничего же не случится, если я хоть одним глазком увижу? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал как можно беззаботнее.

Лилит посмотрела на меня с сомнением. Долгим, тяжелым взглядом. Я выдержала его — хотя внутри все дрожало.

— Ладно, Пэнни... — Она вздохнула, и в этом вздохе было что-то от усталости человека, который слишком много раз повторял одно и то же. — Мы проводим тебя к нашей общине. Но помни, если ты решишь присоединиться к нам, тебе нужно полностью довериться Элиасу. Это самое важное.

— Даже если это будет стоить мне жизни? — спросила я тихо.

Лилит не ответила. Лишь отвела взгляд.

— Хорошо, — сказала я, чувствуя, как холод расплзается по венам.

Вечером я уже стояла перед «Багряным домом» вместе с девочками.

Это было мрачное здание, окруженное высоким забором. Колючая проволока сверху. Камеры по периметру. В воздухе пахло сыростью, старостью и еще чем-то — чем-то сладковатым, приторным, как ладан на похоронах.

— Идешь? — Лилит толкнула калитку.

— Иду, — ответила я.

Мое сердце колотилось где-то в горле. Пальцы сжимали край куртки так сильно, что побелели костяшки.

Анна осталась снаружи. Внутрь вошла Пэнни.

Я сделала глубокий вдох — и переступила порог.

Моя охота на Сару началась.

И я буду идти до конца. Чего бы это ни стоило.

Глава 2

Анна

Когда я переступила порог Багряного Дома, я начала ощущать страх и безысходность. Запах крови и еле уловимой гнили въедался в мои легкие, вызывая тошнотворный рефлекс. Люди, словно тени, бродили по коридорам — их багряные одеяния сливались с полумраком. Они казались сломанными куклами, марионетками в руках невидимого кукловода.

Лилит и Сара проводили меня в зал ожидания — небольшую, аскетичную комнатку, где уже ютились новообращенные, пленники собственных трагедий. В их глазах плескалась надежда, наивная вера в спасение. Мне было больно видеть их — обреченных на разочарование или, возможно, на что-то гораздо худшее.

Я познакомилась с молодым парнем по имени Майк, с растерянным взглядом и дрожащими руками. Он рассказал мне, что потерял работу, семью и теперь ищет утешение в учении Элиаса. Была и пожилая женщина по имени Руфь, которая потеряла мужа и детей и надеялась найти здесь новую семью.

Их истории были полны боли и отчаяния. И я понимала, что Элиас использует эти чувства, чтобы манипулировать ими, чтобы заставить поверить в свою ложь.

Через какое-то время я услышала, как дверь в зал открылась.

Когда в зал вошел Элиас, меня пронзило странное, необъяснимое чувство. словно невидимая рука сжала мое горло — не больно, но достаточно, чтобы перехватить дыхание. словно воздух в комнате стал гуще, тяжелее, наполненным чем-то древним и опасным.

Он был высоким, хорошо сложенным мужчиной. Идеальные черты лица, темные волосы, падающие на лоб. От него исходил такой магнетизм, против которого трудно было устоять. Он был одет как истинный главарь культа: длинная ряса из тонкой струящейся черной ткани, расшитой багряными символами. На шее — массивный серебряный амулет в форме перевернутой капли, пульсирующий приглушенным светом. Его образ источал власть и тайну.

В нем было что-то пугающе прекрасное. Как в пропасти, в которую одновременно страшно смотреть и невозможно оторваться.

Он двинулся по залу медленно, с царственной грацией хищника, обходящего свою добычу. Его багряная ряса шелестела по каменному полу, как шепот греха. Каждый шаг отдавался в моей груди глухим эхом.

Его голос был глубоким и бархатистым, словно прикосновение темной ночи. Когда он начал говорить, мое сердце пропустило несколько ударов. Он говорил о боли, о страданиях, о мире, погрязшем во тьме. Его слова лились как яд — такой сладкий и смертоносный. Теперь я, кажется, понимала, почему ему так легко было поверить.

Он говорил о спасении. Об очищении. О том, что только здесь, в стенах этого дома, можно обрести истинный покой. Но я не слушала его слова. Я слушала его голос. И это было страшнее всего.

Потому что где-то глубоко, на самом дне моего естества, шевельнулось нечто постыдное. Не страх. Не отвращение. А жгучее, темное любопытство. Мне вдруг захотелось узнать, что скрывается за его маской. Что делает его таким — нечеловечески притягательным и пугающим одновременно.

Он медленно двигался по залу, его взгляд скользил по лицам, словно сканируя души. Когда он начал приближаться ко мне, я вдруг почувствовала, как по спине пробежал холо-

док. Но странное дело — этот холод не отталкивал. Он завораживал. Я замерла, как кролик перед удавом, не в силах пошевелиться, не в силах вздохнуть.

Его глаза — глубокие и темные, в которых отражалась лишь тьма. Но не пустая. Не мертвая. А живая, дышащая, голодная. Я боялась отвести от него взгляд и молча стояла, впитывая его образ, его присутствие, его власть.

Он остановился напротив меня.

На секунду я вовсе забыла, зачем я здесь. Комната исчезла. Люди исчезли. Остались только он и я, и эта странная, пугающая тишина между нами.

— Пэнни, — произнес он, и в его голосе было что-то такое, от чего по коже побежали мурашки.

Просто имя. Словно он пробовал его на вкус. Словно оно принадлежало ему задолго до того, как я его произнесла. Кажется, мне начинало не хватать воздуха.

Страх и любопытство сплелись внутри меня в тугой, болезненный узел. Часть меня хотела бежать. Часть — остаться. И самая темная, самая потаенная часть — хотела, чтобы он снова заговорил. Чтобы его голос обжег меня еще раз.

Он улыбнулся. Легко, едва заметно.

И в этот момент я поняла: я в опасности. Но не той, что можно измерить пулями или ножами.

Опасность смотрела на меня глазами, полными тьмы. И почему-то улыбалась.

Глава 3

Элиас

Я стою за тяжелой резной дверью и слушаю гул голосов в зале. До меня доносятся приглушенные всхлипы, робкие голоса новообращенных — жалкий хор потерянных душ, жаждущих, чтобы я указал им путь.

Я усмехаюсь своим мыслям.

Они думают, что пришли за спасением. Они не знают, что пришли за мной. За моей милостью. За моей властью. Каждое утро, просыпаясь в своей спальне, затянутой багряными шторами, я чувствую это — сладкое опьянение чужими судьбами, которые я перекраиваю как хочу. Сегодняшний вечер не исключение.

Я поправляю ворот рясы, провожу пальцами по серебряному амулету на груди. Тот отзывается едва уловимым теплом — словно одобряет мои намерения. Мое отражение в старом, поцарапанном зеркале у двери идеально. Идеальные черты. Идеальная маска.

Я чувствую превосходство. Холодное, спокойное, как лед

в высокогорном озере. Я знаю, что происходит по ту сторону двери. Знаю, что эти люди уже наполовину мои. Достаточно одного слова — и они падут ниц. Достаточно одного взгляда — и они последуют за мной в пропасть.

Особенно она.

Внутри меня шевелится предвкушение. Я еще не видел ее, но уже слышал о ней. Лилит шептала мне о новой заблудшей овце, о девушке с глазами, полными боли и света. Пэнни. Странное имя. Не местное. Но мне нравится.

Я делаю глубокий вдох, ощущая, как власть наполняет мои легкие, как дым. Запах тлеющих трав доносится из-за двери — мои помощники уже зажгли кадила. Священный аромат, который окутывает новичков, усыпляет их страхи, открывает их сердца для моего голоса.

Пора.

Я толкаю дверь, и она со вздохом открывается, впуская меня в зал.

Когда мои глаза встречаются с ее взглядом, мир вокруг

перестает существовать. Она — идеальна. Неземная красота, наивная, словно ангел, который случайно забрел в мое грешное обиталище. Но под этой невинностью я чувствую — нет, я знаю — скрытую силу. Тлеющий уголь, который только я смогу раздуть в пламя.

Она стоит, робко сжимая руки. Страх и любопытство отражаются в ее глазах, борются друг с другом, и любопытство понемногу побеждает. Моя. Она будет моей.

Я медленно приближаюсь, ощущая, как моя власть над ней растет с каждым шагом. Сапоги глухо ступают по каменному полу, отбивая ритм, который совпадает с ее сердцебиением — я слышу его, ускоряющееся, сбивчивое. Аромат тлеющих трав витает в воздухе, создавая интимную, почти священную атмосферу.словно сама тьма обнимает нас, отгораживая от остального мира.

— Пэнни, — шепчу я, и это имя прозвучит как молитва. — Ты почувствовала зов, разве нет? Ты знаешь, что теперь принадлежишь этому месту.

Я делаю паузу, наклоняюсь чуть ближе, чтобы только она могла слышать.

— И мне.

Она вздрагивает — легкая дрожь пробегает по ее плечам. Ее пальцы сжимаются еще сильнее, но она не отступает. Не делает шага назад. Я наслаждаюсь тем, как неуверенность трепещет в ее голосе, когда она отвечает:

— Я... я не знаю.

Ее голос — музыка. Прерывистая, непокорная, такая живая. Я хочу сломать эту ноту. Хочу сделать ее своей.

— Не притворяйся, дитя мое, — говорю я, и на моих губах расцветает мягкая, почти отеческая улыбка. Но в глазах — другое. В глазах — голод. — Я вижу это в твоих глазах. Желание. И я единственный, кто может утолить этот голод.

Я протягиваю руку и касаюсь темной пряди ее волос. Они мягкие, чуть влажные от вечернего холода. Я медленно провожу пальцами вниз, от виска до самой ключицы, останавливаясь у края ее ворота. Темные силы сами тянут меня к ней, пульсируют под кожей, шепчут: возьми, сделай своей, не отпускай.

Я сделаю все, чтобы она с таким же желанием тянулась ко мне.

Она переводит дыхание. Ее губы приоткрываются, словно она хочет что-то сказать, но не может. Я чувствую, как мои слова пленяют ее, опутывают, словно паутина. Она уже запуталась. Еще немного — и перестанет сопротивляться.

— Но... я не совсем понимаю... — выдыхает она.

— Понимание придет со временем, — шепчу я, и моя улыбка становится шире, острее. — Доверься мне, Пэнни. Освободись от оков этого мира. Доверься своим истинным желаниям. Твоя новая судьба начинается здесь. С нами.

Она смотрит на меня. Ее глаза расширены, зрачки дрожат. В них — страх. И что-то еще. Что-то темное, что только начинает просыпаться.

Она еще не знает, но уже принадлежит мне.

Я сделаю так, чтобы она никогда не захотела уйти. Даже если придется немного сломить ее волю. Даже если придется прикоснуться к самым темным уголкам ее души.

Она станет частью моего мира. Мрачного. Прекрасного.

Моего.

Глава 4

Элиас

«Ее глаза обманывают. Ее смирение — всего лишь маска. Я вижу это, чувствую это. Уязвимые души легче поддаются глине. А из податливой глины можно слепить все что угодно»

— Отец Элиас.

Я стою в тени алтаря и наблюдаю, как Пэнни, новообращенная, коленопреклоненно ждет. В полумраке святилища, под мерцанием восковых свечей, ее лицо кажется бледным и незащитным. Но я не верю этой незащитности. Я вижу в ней нечто большее, чем просто страх. Там есть искра. Зерно сомнения. Глеющий уголь, который можно либо взрастить, либо растоптать.

Я решаю все же взрастить. Она не знает, но выбор уже сделан. За нее.

— Сегодня, дитя мое, ты отринешь свое прежнее «я», — произношу я, и мой голос разносится под сводами святилища, отражаясь от стен тяжелым эхом. — Ты станешь частью единого целого. Сосудом для высшей цели.

Она едва заметно вздрагивает. Достаточно чтобы я увидел. Я всегда замечаю такие вещи. Ритуал посвящения всегда был самым сложным и непредсказуемым. Он требует полного подчинения. Тело — лишь сосуд, разум — инструмент, душа — холст, ждущий нового откровения. И сегодня я буду художником. А она — моим шедевром.

— Встань, — приказываю я. — Позволь мне увидеть тебя. Позволь грехам твоим быть обнаженными.

Пэнни медленно поднимается. Длинное черное одеяние, которое на ней, скрывает ее тело, но не может скрыть тревогу в ее глазах. Они мечутся, как загнанные зверьки, ища выход, лазейку, спасение. Но здесь нет спасения. Здесь есть только я.

Я делаю шаг вперед. Мои сапоги глухо стучат по каменному полу, и каждый шаг отдается в тишине святилища, как удар сердца. Медленно. Неумолимо.

Она не отступает. Это и хорошо.

— Одеяние — это ложь, — шепчу я, подходя вплотную. Я касаюсь пальцами ее воротника, чувствуя подушечками тепло ее кожи через тонкую ткань. — Лишь истина обнажена.

Она замирает. Ее дыхание становится поверхностным, прерывистым.

Я начинаю медленно расстегивать пуговицы. С особым вниманием. Каждое движение моих пальцев — не спешка, а церемония. Я чувствую, как напряжение в комнате возрастет с каждой расстегнутой пуговицей. Ткань поддается нехотя, словно сопротивляется, словно сама знает, что то, что откроется, уже нельзя будет забрать обратно.

Сначала шея. Тонкая, хрупкая, с бьющейся под кожей жилкой. Я почти вижу, как пульсирует в ней кровь. Затем плечи. Круглые, беззащитные. Она вздрагивает, когда мои пальцы касаются ключиц. И наконец — ее полная грудь, скрытая лишь тонкой тканью нижнего белья.

На мгновение я замираю.

Я наслаждаюсь открывшимся мне видом. Ее кожа кажется фарфоровой в призрачном свете свечей — белая, гладкая, с едва заметным голубоватым отливом в тенях. Контуры тела дразнят мое больное воображение, рисуют картины, которые я пока не смею воплотить. Но скоро. Очень скоро.

Тишина в святилище становится почти осязаемой. Я слы-

шу, как учащенно бьется ее сердце. Слышу, как дрожат ее пальцы, сжатые в кулаки по бокам. Слышу, как воздух входит в ее легкие и выходит обратно — слишком часто, слишком неровно.

Страх? Или предвкушение? Я должен это узнать.

— Ты боишься? — спрашиваю я едва слышно. Мой голос теряет свою властную глубину, становится мягким, почти ласковым. Я наклоняюсь ближе, так что мои губы почти касаются ее уха.

Она молчит. Кажется, моя Пэнни потеряла дар речи. Она лишь отрицательно качает головой — коротко, резко, будто отказывается от самого вопроса.

Ее глаза, полные смятения, смотрят прямо в мои. И в них нет ненависти. Нет отвращения. В них есть что-то другое. Что-то, что заставляет мою кровь бежать быстрее.

Мне требуется вся сила воли, чтобы не разорвать с нее остатки этой проклятой ткани. Не сорвать их одним движением. Не прижаться к ней всем телом, чувствуя, как ее страх смешивается с чем-то более темным и сладким.

Но я сдерживаюсь. Терпение — тоже власть.

Я отступаю на шаг, позволяя ткани одеяния соскользнуть ниже, обнажая еще немного ее тела. Она не прикрывается. Не отворачивается. Стоит смирно, как заводная кукла, и смотрит на меня. И в этом взгляде я вижу ответ.

Она не боится меня. Она боится того, что чувствует. А это гораздо ценнее.

Я улыбаюсь — медленно, хищно — и делаю пометку в своем сознании: эта игра будет долгой. И сладкой.

— Продолжим, дитя мое, — говорю я, и мои пальцы тянутся к следующей пуговице.

Глава 5

Анна

Он продолжает раздевать меня. Его движения становятся все более медленными, мучительными. И мне кажется, что он сдерживает себя, чтобы не наброситься на меня, словно я — его добыча, загнанная в угол.

Он будто пишет поэму на моей коже. Снимает ткань сантиметр за сантиметром, задерживаясь на каждом новом участке тела, изучая его, пробуя на вкус взглядом. Слово... наслаждается мной.

Я замираю, когда его пальцы касаются моего живота — легко, едва ощутимо, как дуновение ветра, но этот ветер обжигает. Внутри меня поднимается что-то горячее, липкое, постыдное. Я должна ненавидеть его прикосновения. Должна оттолкнуть его, закричать, сбежать. Но я стою на месте.

Мое тело отказывается подчиняться разуму. Или, быть может, это разум отказывается подчиняться мне?

Когда последний кусок ткани падает на пол, я остаюсь стоять обнаженной. Воздух в святилище кажется ледяным, но

моя кожа горит. Я опускаю глаза. Не смею посмотреть на него, на алтарь, на мерцающие свечи, которые отражаются в его зрачках, как маленькие адские огни.

Он опускается на колени и я чувствую его дыхание на своих бедрах — теплое, прерывистое. Почему-то мне кажется, что он тоже борется с собой. Он здесь власть. Он здесь бог. Разве боги сдерживают себя?

Он начинает проводить пальцами по моим бедрам — медленно, нежно, почти благоговейно. Моя кожа предательски начинает дрожать под его прикосновениями. Каждый миллиметр моего тела становится свидетелем моего позора... или моего падения. Я уже не знаю, где грань.

— Твое тело — храм, — шепчет он, и его голос теряет свою властную глубину, становясь мягким, почти молитвенным. — Храм, достойный поклонения. И я буду твоим жрецом.

Его палец скользит выше, очерчивая изгиб моего бедра, задерживается на тазовой кости, где кожа особенно тонка. Я вздрагиваю, когда он касается того места, где мое тело помнит холод ночных улиц, одиночество пустой квартиры и бесконечные ночи в ожидании сестры, которая так и не вернулась.

Сара.

Мысль о ней бьет током, возвращая меня из тумана, в который меня утягивает его голос и его руки. Я здесь не ради него. Я здесь ради нее.

Но почему тогда я не отталкиваю его? Почему же не кричу? Почему мои губы сжаты в тонкую линию, а не разомкнуты в крике о помощи?

— Потому что, — шепчет внутренний голос, — ты хочешь узнать, что будет дальше. Ты хочешь узнать, как далеко он пойдет. Как далеко пойдешь ты.

Я зажмуриваюсь, пытаюсь отгородиться от его присутствия, но его запах — тлеющие травы, воск свечей и что-то еще, темное и древнее — проникает в мои легкие, оседая там липким осадком.

— Открой глаза, дитя мое, — говорит он. — Смотри на меня. Не прячься. Истина не терпит темноты.

Я открываю глаза. Его лицо так близко. Я вижу каждую морщинку у его глаз, каждый блик на его губах. Его зрачки расширены — в них нет ни капли света, только бездна. И

в этой бездне я вижу свое отражение. Обнаженную. Дрожащую. Напуганную. Но, еще я вижу голод, желание. То, что я так долго прятала даже от себя.

Он улыбается. Будто тоже это видит.

— Ты готова, — говорит он не вопросом, а утверждением.
— Я знал. Знал с первой секунды, как увидел тебя.

Он поднимается с колен. Теперь он возвышается надо мной, заслоняя собой мерцающий свет свечей. Я — в тени. Я — в его тени.

— Сегодня ты умрешь, Пэнни, — шепчет он, касаясь губами моего лба. — И родишься заново. Моей.

Мое сердце перестает биться. На секунду. На две. А затем начинает стучать с новой, пугающей силой.

Я не знаю, кто я в этот момент. Пэнни, потерянная овечка? Анна? Или кто-то третий — тот, кто смотрит на Элиаса и не хочет убежать?

Я поднимаю руку. Медленно. Мои пальцы касаются его щеки — жест, который он не приказывал, не просил, не ожидал.

Он замирает. В его глазах — удивление. Первый раз за весь вечер.

— Я не умру, — шепчу я, слыша, как мой голос звучит чужим, низким, почти его. — Я уже мертва. Ты воскресишь меня.

Он смотрит на меня долгим взглядом, затем смеется. Не громко. И в этом смехе нет насмешки. Ничего кроме чистого восторга.

— Я хочу пить, поможешь мне — сказал он .

Он схватил меня за руку, ведя к какой-то старой душевой кабине, заставляя задуматься над его словами. Дверца заскрипела. Изнутри пахло плесенью и медью.

— Расслабься и отпусти грехи свои святой воде. — после этих слов я увидела как его глаза загорелись. В них было что то нечеловеческое, отчего мне стало страшно.

Хотелось крикнуть — но горло сжало спазмом. Но я не успела отдаться этому чувству, поскольку в один момент он прижал меня к стене своей тяжелой рукой и поднял мою правую ногу свободной. Кафель больно впился в лопатки. Я дер-

нулась, но он лишь сильнее надавил бедром. Я была в глупом положении и совершенно растеряна.

— Отпусти, — выдохнула я, но вышло не приказом, а жалким шепотом. Я растерялась, когда его язык потерялся внутри меня собирая всю мою жалкую влажность. Я вцепилась ему в волосы не понимая что хочу — оттолкнуть или удержаться. Он застонал, и вибрация прошла сквозь меня.

У меня не было времени подумать. Он повернул кран и сверху на меня бежали капельки воды. Совсем немного, но этого было достаточно.

— Зачем... вода? — прошептала я, глядя в потолок. Он не ответил. Только усмехнулся, не отрываясь от меня. Когда я открыла глаза и посмотрела вниз на то как он целует меня там внизу, я увидела как на ложбинке моей груди собирается красные капельки и спускаются к пупку уходя ниже к его наглomu языку.

Я коснулась пальцами груди. Мне потребовалось несколько секунд чтобы понять, что на меня льется вино.

— М-м-м, красное. Мой любимый цвет. — Я не сразу его расслышала, но догадалась, что он сказал. Сумасшедший.

Он поднял голову, и его подбородок блеснул — от воды, от меня, от того багряного, что стекало по моему животу.

«Где моя сестра?» — хотела спросить я. Но открыла рот и услышала только собственный всхлип. Его зубы сомкнулись на внутренней стороне бедра. Он кусал меня и облизывал, словно издевался над моим телом. Моими мыслями. Каждый укус — удар по стыду. Каждое движение языка — приговор моей гордости.

Я не смогла сдержать стон, когда почувствовала, как он присосался к моему клитору, создавая вакуум. Этот звук — влажный, громкий, неприличный — разнесся по кабине, как пощечина. Выпивая из меня все больше и больше красного удовольствия. Он пил, а я таяла. Он вбирал, а я пустела.

— Больно, — выдохнула я, но пальцы сами вцепились ему в волосы сильнее. Мне было больно, но вместе с ней и приятно. Я чувствовала, как сердце колотится где-то в горле. Как тело перестает быть моим и становится его вещью. Я чувствовала себя свободнее. Странно, но чем сильнее он сжимал, тем легче становилось дышать.

— Терпи, — шепчет он, и в его голосе — приказ и ласка одновременно. — Терпи, дитя мое. У страдания и наслаждения один вкус. Я научу тебя их различать.

Он наклоняет голову и касается губами моего живота — чуть выше лобка, там, где кожа особенно нежная, где каждый мурашек отзывается во мне спазмом. Его язык выписывает медленные, ленивые круги, спускаясь все ниже, к тому месту, где его пальцы все еще дразнят меня, не решаясь войти.

Я замираю и весь мир перестает существовать. Нет святыща, нет свечей, нет Сары, ради которой я сюда пришла. Есть только он. Его руки. Его язык. Его горячее дыхание на самом интимном месте моего тела.

— Пожалуйста, — срывается с моих губ прежде, чем я успеваю себя остановить.

Поднимая голову, Элиас смотрит на меня снизу вверх — и в его глазах вспыхивает торжество.

— Чего ты просишь, Пэнни? — шепчет он. — Освобождения? Или падения?

Я не могу ответить, мое тело отвечает за меня — подается вперед, сильнее прижимаясь к его губам и пальцам.

Он улыбается — сладко, опасно.

— Вот так, — шепчет он, прежде чем вернуться к своему таинству. — Вот так, дитя мое. Ты уже почти моя.

Его язык находит то место, которое заставляет мое дыхание прерываться, а пальцы — впиваться в его плечи с такой силой, что, наверное, оставляют синяки. Он двигается медленно, ритмично, доводя меня до грани и отступая, снова приближаясь и снова замирая. Откинув голову наверх к насадке, я высунула язык наружу. Капельки вина падали на мой язык, смеясь над моим положением. И я пьянела не от вина.

«Пей», — словно шептали они. «Смирись. Наслаждайся.»

Он играет со мной. Как пастырь с заблудшей овцой, которую уже привел к закланию.

Я чувствую, как напряжение внутри меня растет, как спираль закручивается туже, как мир сужается до одной-единственной точки — там, где его язык касается моего тела, где его пальцы сжимают мои бедра, где его дыхание смешивается с моими стопами, которые я уже не в силах сдерживать.

Я падаю. Мое тело выгибается дугой, и я вскрикиваю — громко, отчаянно, не стыдясь. Он прижимается губами к моему животу, целуя, успокаивая, не давая упасть.

— Анна, — шепчет он, и я вздрагиваю — потому что это имя не Пэнни.

Его губы касаются моего лба, когда он говорит. — Отдыхай, дитя мое. Это было только начало.

Глава 6

Сара

Сначала я слышу их. Потом — вижу.

Мерный гул молитвы обволакивал, как кокон. Голоса хора сливались в единый поток, поднимаясь к сводам зала, черным, как ночное небо без звезд. Я закрыла глаза — но тьма внутри оказалась гуще, чем снаружи. Я пела, но мое сердце молчало.

«Избавьте нас от света...» — шептали губы, а душа рвалась к солнцу, к дому.

Последний аккорд замер. Тишина упала такой тяжелой, что заложило уши.

После репетиции у выхода меня ждал Майк. Он мялся на месте, будто собирался что-то сказать, но язык примерз к небу. Вечно смущенный и вечно красный. Свет настенной свечи упал на его лицо, осветив острые скулы и впалые щеки — он был худым, почти болезненно худым, как подсолнух, который давно не поливали. Соломенные волосы падали на лоб неровной челкой, а огромные серые глаза смотре-

ли на меня с той обреченной мягкостью, от которой у самой сердце разрывалось.

— Сара, ты прекрасно пела сегодня, как и всегда, — пробормотал он, теребя край своей черной мантии. Пальцы у него подозрительно дрожали.

— Спасибо, Майк. Просто делаю свою работу, — ответила я, стараясь не выдать нарастающее отчаяние.

— Ты... привыкаешь здесь?

— Привыкаю? — Я подняла на него глаза. В них, наверное, горело то же, что и в первый день — дикий страх и злость пополам. — Разве можно привыкнуть к клетке, Майк? — Я шагнула к нему ближе, заглядывая в лицо. Я хочу домой. Наверняка Анна с ума сходит, гадая, где я.

Он сглотнул. Кадык дернулся, будто он пытался проглотить шип. Его глаза быстро потускнели. — Это невозможно, Сара. Ты — часть этой Общины.

— Я попала сюда случайно! По чистой случайности! Хор — это была случайность! — Голос сорвался на крик. Я сама испугалась того, как громко прозвучало в этом пустом коридоре. Я почувствовала, как подступает истерика. Где-то

внутри поднималась горячая волна. — Майк, помоги мне. — Я схватила его за рукав, вцепилась так, что побелели костяшки. Ты же тоже видишь это безумие. Ты просто боишься признаться себе.

Он покачал головой, опустив взгляд. — Не говори так. Элиас... он заботится о нас.

— Заботится? — Я рассмеялась — Он держит нас в заточении! — Я дернула его за рукав, заставляя посмотреть на меня. — Пожалуйста, умоляю, давай уйдем. Мы можем это сделать вместе! Прямо сейчас. Пока никто не видит.

Меня встретила его тишина. Только шелест его мантии, когда он сделал шаг назад.

— Я не могу, Сара. Он покачал головой, и в этом жесте было что-то безнадежное. Мне жаль. — И ушел, оставив меня одну в черном коридоре с эхом моего несбывшегося желания. Шаги стихли. Потом стихло все. С надеждой, умирающей с каждым новым словом молитвы.

Я прислонилась лбом к холодной стене. «Дыши», — сказала я себе. «Дыши, дура».

Но не успела выдохнуть, как услышала шаги с другой сто-

роны.

Меня окружили бледные отрешенные лица, но в глазах плясал настоящий огонь. Они вышли из тени — три фигуры в черном, сливающиеся со стенами.

— Ну что, девочка, привыкаешь тут? — прошипела Лея, самая старшая в хоре, с хищной усмешкой на тонких губах. Она наклонила голову, как птица, присматривающаяся к червяку.

— Работаю над этим, — огрызнулась я, стараясь сохранить самообладание, которое вот-вот рухнет. Спина выпрямилась сама собой — инстинкт, который говорил не показывать слабость стае.

— Слышали, Отец Элиас тобой заинтересовался, — встала Мира, задорно хихикая. Она обошла меня справа, и я почувствовала запах ее духов — приторный, похоронный. — Говорят, он долго выбирает жертву для ритуала Жатвы.

Ее смех, противный и скрипучий, заполнил мое пространство. Мое тело тут же похолодело, но я старалась не верить в это. «Она врет, — стучало в висках. — Она просто хочет напугать».

— Не слушай их, — пробормотала Элла, самая младшая, пряча взгляд. Она стояла позади всех, вжав голову в плечи, и казалась маленькой серой тенью. Но в ее голосе не было уверенности. Ни капли.

— Да ладно тебе, Элла, — Лея толкнула ее локтем. Элла вздрогнула, как от удара. — Сара, может, тебе стоит почаще заглядывать в кабинет Элиаса? Может, и сама станешь жрицей? — рассмеявшись, добавила она.

Я смотрела на их лица: Лея — торжествующая, Мира — любопытная, Элла — испуганная. И поняла — они не шутят.

— Оставьте меня в покое! — выкрикнула я, оттолкнув Лею. Она пошатнулась, но не упала — только усмехнулась шире. И бросилась прочь. Мантия хлестала по ногам, мешала бежать.

Единственное желание — бежать, спрятаться, исчезнуть. Но в этой клетке нет ни дверей, ни окон. Коридор тянется бесконечно. Свечи на стенах горят ровно, без единого колебания — будто воздух здесь мертвый. Лишь темные коридоры и шепот молитв, предвещающих мою погибель.

Я добежала до своей комнаты, захлопнула дверь и сползла по ней на пол.

«Анна, — прошептала я в пустоту. — Пожалуйста. Прости меня».

По моим щекам текли слезы. Я даже не пыталась их остановить.

Глава 7

Анна

Вечером, под светом растущей луны, нас собрали в роще за пределами поселения для какого-то ритуала. Я шла в толпе, стараясь держаться ближе к краю — чтобы видеть, помнить дорогу назад. Трава хрустела под ногами, и мне казалось, каждый звук выдает меня с головой.

— Не отставай, — шепнула женщина сзади и толкнула меня в спину. Я обернулась, но в темноте увидела только бледное пятно лица и пустые глаза.

Я увидела Отца Элиаса: он, облаченный в длинный черный балахон, возвышался над нами, как черный пророк. Капюшон скрывал его лицо, но я знала — он смотрит. Он всегда смотрит. С того самого дня в душевой, когда его язык... Я стиснула кулаки. Не сейчас. Не время думать об этом.

Но мысли не слушались. Они лезли в голову, как черви в гнилое яблоко.

Я не могла не думать о том, что он знал мое настоящее имя. Я никому не рассказывала. А он сказал «Анна». Так,

будто читал меня с самого начала.

Откуда, откуда, откуда?

И это не помогало. Потому что следом за страхом приходило другое — липкое, горячее, постыдное. Мои мысли возвращались в тот вечер, когда он пил вино с моего тела. Красное стекало по ложбинке груди, по животу, ниже... а его язык собирал каждую каплю.

Это было грязно и неправильно.

Я знала это. Я повторяла себе это сотни раз.

Тогда почему я была так возбуждена? — спрашиваю я себя. — Почему сейчас, стоя в этой роще под взглядами сотен фанатиков, я чувствую, как низ живота сжимается от одного воспоминания?

Я запуталась. Мои мысли скомканы. Они рвутся в разные стороны, как свора бешеных собак. Одна хочет найти Сару и сбежать. Другая — остаться. Упасть перед ним на колени. Услышать, как он шепчет мое имя. Настоящее.

«Ты больна, Анна», — сказала я себе. — «Ты больна, если хочешь того, кто держит твою сестру в клетке».

Но тело не слушало разум. Тело помнило его рот.

Ритуал начался с пения псалмов. Голоса поднимались к небу — низкие, тягучие, похожие на стон. Я не знала слов, но мои губы шевелились сами, повторяя за другими. Тело запоминало страх быстрее, чем разум.

— Пой, — прошипела Мира, стоящая рядом. — Или он заметит.

Я запела. Фальшиво, но мое сердце молчало. Мысли продолжали свой грязный танец.

«А что если он снова позовет меня? Что если снова прижмет к стене? Что если...»

Я зажмурилась. «Прекрати. Прекрати. Он монстр. Ты здесь не за этим».

Но монстр улыбался так, что у меня подкашивались колени.

Он говорил что-то о жертвах, возрождении и чем-то грядущем, когда они наконец восстанут и унаследуют землю. «Восстанут из могил?» — подумала я. Но вслух спросила у женщины слева:

— О чем он? Кто восстанет?

Она повернулась ко мне, и в свете луны я увидела ее улыбку — тонкую, почти невидимую.

— Те, кто спит под землей, — сказала она. — Мы поливаем их, чтобы они проснулись.

У меня побежали мурашки по спине. Но даже страх не перебил того тянущего чувства внизу живота, когда я случайно встретилась с ним глазами. Он смотрел прямо на меня. И чуть улыбнулся.

«Он знает, — поняла я. — Он знает, что творится у меня в голове. Знает, что я думаю о нем ночью. Знает, что я трогала себя, вспоминая его язык».

Мне стало душно. Я смотрела, как некоторые делают «подношения земле», выливая у корней дуба красное вино, мед и зерно, взывая к забытым богам плодородия.

— Возьми, — Лея сунула мне в руку глиняную кружку. Внутри что-то плескалось — густое, терпко пахнущее вином. — Поливай. Или ты против?

У меня не было выбора. Руки не дрожали — я не дала им дрожать. Медленно наклонила кружку над корнями. Крас-

ное потекло по коре, и на секунду мне показалось, что дерево дышит. Что оно втягивает эту жижу, как голодный зверь.

— Хорошая девочка, — усмехнулась Лея. — Быстро учишься.

«Красное, — пронеслось у меня в голове. — Мой любимый цвет, — сказал он тогда».

Я почувствовала, как щеки заливает румянец. Хорошо, что в темноте не видно. Хорошо, что долго это не продлилось, но следующая часть оказалась более жуткой.

Элиас поднял руку. Пение оборвалось так резко, что в ушах зазвенело.

— Пришло время очиститься, — сказал он. Голос был мягким — до мурашек мягким. — Пришло время рассказать правду.

Я почувствовала, как внутри что-то сжалось. «Не меня. Только не меня». Но где-то глубоко, на самом дне сознания, шевельнулось другое: «А что если он позовет меня? Что если он захочет «очистить» меня лично? Наедине?»

Я возненавидела себя за эту мысль. Но не смогла ее про-

гнать.

Она называлась «очищающая боль» — где каждый член культа должен был рассказать о своих грехах перед Отцом Элиасом, чтобы тот назначил им свое «искупление».

Первой вышла Мира. Она упала на колени так резко, что я услышала, как хрустнула сухая земля под ее костями.

— Я грешила, Отец, — заскулила она, глядя на него снизу вверх. — Я завидовала. Я желала мужа моей сестры. Я думала о нем ночью. Три ночи подряд.

Элиас молчал. Наклонившись провел пальцем по ее щеке, собирая слезу — или пот, я не разобрала издали.

— Три дня будешь работать в поле без еды, — сказал он. — Только вода. И каждую ночь — молитва до рассвета.

Мира кивнула и отползла назад, не поднимаясь. Я смотрела на ее спину и думала: «Три дня без еды. Что же он делает мне — за ложь?»

«И почему при мысли о наказании у меня внутри все сжимается от желания, а не от страха?»

Это могло быть что угодно, услышала я от присутствующих. От физического истощения — долгих часов работы в поле без воды — до психологического — публичного унижения, исповеди на виду у всех, битья камнями или розгами.

— Бывает, и хуже, — шепнула женщина за моей спиной. Я не обернулась. Боялась увидеть ее улыбку.

— Следующий, — голос Элиаса разнесся над рощей, и тишина сгустилась так, что можно было резать ножом.

Я стояла во втором ряду, вжав голову в плечи, и молилась всем богам, которых знала и не знала. Но внутри, в самом темном углу души, другой голос шептал: «Позови меня. Сделай что-нибудь. Я хочу чувствовать тебя снова. Даже если это больно. Даже если это грязно».

Я запуталась окончательно. Я больше не понимала, чего хочу — найти сестру или снова оказаться под ним. Луна светила слишком ярко. И его взгляд скользнул по рядам и остановился — точно на мне.

— Ты, — сказал он. Капюшон чуть приподнялся, и на секунду я увидела его глаза. Те самые горящие. — Выйди вперед. Давно я тебя не видел, Анна.

Сердце пропустило удар. А потом забилося так, что я услышала его в ушах. «Анна. Он снова назвал меня Анной. Он помнит. Он запомнил мое имя. Запомнил меня».

И от этой мысли — отвратительной, неправильной, сумасшедшей — меня бросило в жар.

Ноги двинулись сами. Я не хотела идти — но тело перестало меня слушаться. Оно шло к нему. Хотело к нему.

Каждым шагом я приближалась к нему, и с каждым шагом толпа смыкалась за моей спиной, отрезая путь назад.

— Ты готова рассказать о своих грехах? — спросил он так ласково, что это было большее пощечины.

«О каких грехах? — пронеслось в голове. — О том, что я кончила, когда ты пил из меня вино? О том, что я думала об этом каждую ночь? О том, что я хочу, чтобы ты сделал это снова?»

Вздыхнув, подняла глаза. Сказала первое, что пришло в голову:

— Я солгала, Отец. Я сказала, что пришла искать смысл жизни. Но я пришла... — голос дрогнул. — Я пришла, потому что мне некуда было идти.

Это была правда. Но не вся правда. И он знал это. Я видела по его улыбке.

— Ты чиста, Анна, — сказал он, наклоняясь к самому моему уху, так, чтобы слышала только я. — Но твоя ложь пахнет грязью. Мы поговорим об этом позже. Наедине.

«Наедине» — слово ударило под дых. Страх. Желание. Все вместе.

«Я не хочу уходить. Я хочу остаться. Боже, что со мной не так?»

Я замерла, как кролик перед удавом. И впервые за всю свою жизнь не знала — хочу ли я убежать или хочу, чтобы он меня сожрал.

Глава 8

Анна

Я бежала по огромному залу, не зная куда. Босые ноги почти бесшумно передвигались, звук разносился под сводами, как удары сердца. Чужого сердца.

Вокруг так много людей, все очень разные. Кто-то пьет и улыбается. Кто-то плачет и шепчется. Воздух тяжелый — от пота, чужой боли, которую здесь, кажется, не принято скрывать.

«Куда я бегу? — пронеслось в голове.

Ответа не было. Только ноги несли меня дальше, будто кто-то другой управлял моим телом.

Краем глаза я увидела группу людей с другого конца зала — они были облачены в белые ряссы, что само по себе странно, ведь на всех здесь были только черные. Белые — как призраки. Как пятна света в этой тьме.

Молодые парни и девушки выходили друг за другом, будто торопились. Они двигались плавно, почти танцуя, и в этом

ритме было что-то гипнотическое.

Мой взгляд задержался на девушке с каштановыми волосами — такими же, как у меня. Боже. Она так похожа на мою сестру. Я замерла на полушаге, чуть не споткнувшись о собственную ногу.

Я вижу ее лицо, но только половину. Вторая скрыта чьей-то спиной. Отсюда можно увидеть только ее растерянность. Как она озирается по сторонам. Как ее плечи напряжены. Она сжимает край своей белой рясы побелевшими пальцами.

Ноги дернулись вперед сами. Я уже открыла рот, чтобы крикнуть, но быстро поняла, что разум просто играет со мной. Я шагаю ей навстречу, но перед ней встает широкоплечий парень с белой повязкой на голове, полностью загораживая обзор.

— Нет, нет, нет, — прошептала я, ускоряясь. — Уйди, уйди с дороги!

И как бы быстро я ни бежала, я не успела. Толпа сомкнулась, как море. Поток других людей просто не дает мне возможности догнать их. Они напирают со всех сторон — плечи, локти, чужие спины. Кто-то отталкивает меня, даже не взглянув. Кто-то бормочет проклятия.

Они двигаются отрешенно — у всех одинаковые лица. Как у кукол, у которых вынули души.

Я чувствую себя такой же пустой внутри. И от этого становится легче. И страшнее одновременно.

«Если я уже пустая, — подумала я, — значит, мне нечего терять. Если я уже сошла с ума, то могу не бояться последствий».

— Сара! — крикнула я, но голос утонул в гуле зала. — САРА!

Никто не обернулся.

«Может, мне просто показалось? — закралась предательская мысль. — Может, я хочу найти ее так сильно, что вижу ее в каждой каштановой голове?»

Зал вдруг показался мне лабиринтом. Я остановилась посреди него, крутя головой, пытаюсь снова отыскать белые рысы. Но они исчезли. Будто их никогда и не было.

— Эй, — раздался голос сбоку. Тихо. Осторожно.

Я резко обернулась.

— Могу я чем-то помочь тебе? — спрашивает девушка.

Она стоит в двух шагах от меня, сложив руки на животе — смиренно, почти по-монашески.

Ее лицо невинное, детское, как будто она не знает, где находится. Большие глаза, пухлые губы, никакой косметики. Она выглядит лет на шестнадцать, не больше.

Она смотрит на меня, и я понимаю, что она ждет от меня ответа. В ее взгляде нет страха. Чистое, детское любопытство. И это почему-то пугает сильнее, чем если бы она смотрела с ненавистью.

— Я... — начала я и замолчала. Слова застряли в горле.

«Спросить про белые рясы? Сказать правду?»

Но если она доложит Элиасу... если она одна из них...

Я сглотнула. В горле пересохло.

— Да, — решаюсь я. — Мне нужно в туалет, покажешь?

Она отводит взгляд на удаляющуюся толпу и снова на меня, словно не может решиться. Наверняка раздумывает о том, можно ли мне доверять. Или же она боится быть наказанной.

— Но я... я должна быть на репетиции, — говорит она тихо, почти шепотом. — Отец Элиас сказал, что все должны быть на местах.

— Я быстро, — отвечаю я, стараясь, чтобы голос звучал мягко. — Пять минут. Тебя никто не хватится.

— Пожалуйста, — добавляю я. — Я новенькая. Я совсем одна здесь.

Она поднимает на меня глаза. Что-то в моих словах задевает ее — может быть, слово «одна». Я вижу, как ее лицо меняется — от нерешительности к жалости, от жалости к обреченной нежности.

Наконец она дает мне утвердительный кивок.

— Хорошо, — шепчет она, оглядываясь по сторонам. — Идем. Только быстро. Если увидят, что меня нет...

Она не стала договаривать. Я и не спрашиваю.

Мы идем вдоль стены, стараясь не привлекать внимания. Я смотрю на ее затылок — русые волосы собраны в низкий пучок. Она выглядит такой беззащитной.

Она обещает, что скоро вернется.

Я же обещаю не сделать ей больно.

— Сюда, — говорит девушка, сворачивая в темный коридор.

Я иду за ней. И думаю только об одном: «Прости меня. За то, что я тебя использую. За то, что ты, возможно, заплатишь за мою ложь».

Свет факелов на стенах дрожал, и тени плясали, как живые. Я старалась запомнить дорогу. Каждый его поворот.

— Туалет, — сказала девушка, останавливаясь перед неприметной деревянной дверью. — Здесь туалет. Она толкнула дверь, и та со скрипом открылась, явив крошечную камеру с ржавой раковиной и унитазом.

Я вошла, но дверь не закрыла. Вместо этого я повернулась к ней и спросила, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно:

— А что за группа в белых рясах? Куда они ушли?

Девушка замерла. Ее лицо, еще секунду назад спокойное, вдруг стало каменным.

— Тебе не стоит об этом спрашивать, — тихо сказала она, отводя глаза.

— Почему? — я сделала шаг к ней. — Я просто любопытная. Как я и сказала, я здесь впервые, ничего не знаю.

Она покачала головой. Пальцы снова начали терзать край рясы — нервный жест, который я уже заметила.

— Это... избранные. Голос у нее дрогнул. — Отец Элиас сам выбирает их. Для... для особого служения.

— Какого служения? — я надавила, чувствуя, как внутри нарастает тревожная дрожь.

— Я не могу сказать. Она подняла на меня глаза — в них стояли слезы. — Пожалуйста, не спрашивай. Если узнают, что я говорила...

— Кто узнает? — мой голос стал жестче. — Здесь только

ты и я.

Она молчала. Но ее молчание говорило громче слов.

— Там была девушка, — продолжила я, не отступая. — С каштановыми волосами, как у меня. Куда ее увели?

Девушка вздрогнула. И в этот момент я поняла — она знает. Она знает гораздо больше, чем говорит.

— Это Жатва, — выдохнула она, едва слышно. — Скоро Жатва. Ее выбрали. Или... она запнулась. — Или выбрали не ее. Я не знаю. Я ничего не знаю.

«Жатва». Слово ударило под дых. Я вспомнила шепот Миры в роще. «Он долго выбирает жертву для ритуала Жатвы».

— Что происходит с теми, кого выбрали? — я схватила ее за плечо, может быть, слишком сильно. — Что с ними делают?

Она всхлипнула и попыталась вырваться.

— Отпусти! Я не могу! Мне запрещено!

— А мне запрещено искать сестру? — я выкрикнула это прежде, чем успела подумать.

Девушка замерла. Ее глаза расширились.

— Твоя сестра... — прошептала она. — Та, девушка... она твоя сестра?

Я не ответила. Но она все поняла по моему лицу.

— Боже, — выдохнула она. — Тебе нельзя здесь оставаться. Если он узнает...

— Кто? Элиас? — я усмехнулась, и в моей усмешке была горечь. — Он уже знает.

Девушка побледнела. Так сильно, что ее губы стали почти белыми.

— Тогда ты пропала, — сказала она. — И она тоже. Уходи, пока есть возможность.

— Я не уйду без нее, — отрезала я.

Она открыла рот, чтобы что-то сказать — предупредить, может быть, или умолять. Но в этот момент из-за двери по-

слышались шаги. Кто-то шел по коридору.

— Кто-то идет, — прошептала я.

Девушка метнулась к двери, чтобы закрыть ее. Я дернулась следом, но запутавшись в длинной юбке, потеряла равновесие и, пытаясь удержаться, толкнула дверь со всей силы.

Тяжелая деревянная дверь с глухим ударом врезалась девушке в голову.

Она охнула — тихо, почти беззвучно — и осела на пол, как тряпичная кукла.

— Эй, — позвала я шепотом, трогая ее за плечо. — Эй, ты как?

Никакого ответа. Она дышала — я видела, как вздымается грудь — но сознание ушло.

— Прости, — выдохнула я, прижимая ладонь ко рту. — Господи, прости, я не хотела.

Шаги в коридоре становились громче. Кто-то шел прямо сюда.

«У меня нет времени», — поняла я. «Нет времени на раскаяние. Нет времени на слезы».

Я действовала быстро — так быстро, что мысли не успевали за руками.

Сначала я выглянула в коридор. Убедившись что угрозы нет, я закрыла дверь и опустилась на колени рядом с девушкой.

— Прости, — повторила я, расстегивая ее рясу. Пальцы дрожали, но я заставляла их слушаться. — Прости, прости, прости.

Белая ряса соскользнула с ее плеч. Под ней оказалась тонкая сорочка — почти прозрачная, не скрывающая ничего. Я отвела взгляд. Чувство стыда обожгло щеки, но я не остановилась.

«Я раздеваю бессознательную девушку. Хуже них. Хуже всех». — пронеслось в голове.

Я натянула белую рясу на себя. Ткань оказалась тонкой, почти невесомой — и пахла ладаном. Тем самым, которым пахло от Элиаса.

Теперь я должна была оставить девушку голой и уязвимой.

Сжав зубы стащила с себя черную рясу — ту, в которой пришла. Быстро, насколько могла, одела ее на девушку. Пуговицы не слушались, руки тряслись, но я справилась.

Она лежала на холодном каменном полу в моей одежде. Беззащитная. Похожая на спящего ребенка.

Я опустилась перед ней на колени и коснулась ее теплой щеки.

— Мне очень жаль, — сказала я вслух. Голос сорвался, превратившись в шепот. — Ты не заслужила этого. Ты просто хотела помочь. А я... я обещаю, что вернусь, — солгала я. — Или... или кто-то вернется. Кто-нибудь найдет тебя.

Я знала, что это ложь. Но мне нужно было сказать это. Хотя бы для себя.

— Ты просто немного поспишь.

Я наклонилась и поцеловала ее в лоб — как прощают детей. Как прощают себя, когда знают, что прощения не будет.

Поднявшись на ноги, одернула белую рясу и вышла в ко-

ридор.

Не было ни души. Сплошная темнота. И вдалеке — едва слышный гул голосов, зовущих меня туда, где была белая группа.

«Сара, — подумала я, делая первый шаг. — Я иду. Даже если это сделает меня монстром».

Глава 9

Анна

Я вышла из темного коридора и сразу попала в поток — белые рясы текли мимо, как призрачная река. Я опустила голову, натянула капюшон ниже и влилась в толпу. Сердце быстро забилося, но я заставляла себя дышать ровно.

Хор уже стоял полукругом. Свечи горели повсюду — их желтые языки дрожали. Я встала в последний ряд, стараясь держаться ближе к краю. Слева от меня оказалась высокая девушка с пустыми глазами. Справа — парень, который раскачивался вперед-назад, как маятник.

— Начинаем, — шепнул кто-то впереди.

И они запели. Я не знала слов. Ни одного. Но мои губы шевелились — я открывала и закрывала рот в такт, издавая невнятные звуки, которые, надеюсь, никто не различал.

«Прости нас, Отец...» — разобрала я сквозь общий гул.
«Мы согрешили... мы пали... но мы вернулись...»

Странное чувство охватило меня. Этот гул, эти лица, этот

запах — все сливалось в один тягучий, вязкий кокон. И я вдруг поняла, что мой голос — даже без слов — начинает вплетаться в их пение. Моя гортань вибрирует в унисон. Мое тело качается вместе с ними.

«Что со мной? — мелькнула паническая мысль. — Я становлюсь одной из них?»

Я зажмурилась и заставила себя петь громче. Чтобы не слышать собственных мыслей. Впереди, в первом ряду, я увидела каштановую голову.

Я начала пробираться вперед, лавируя между белых ряс. Кто-то толкнул меня локтем. Кто-то бросил недовольный взгляд. Но я не останавливалась.

— Извините, — шептала я. — Извините, мне нужно...

Я добралась до нее и схватила за плечо.

— Сара! — выдохнула я, может быть, слишком громко.

Девушка обернулась. На меня смотрело совершенно чужое лицо. Глаза. Другая родинка над губой. Я...

— Ошиблась, — холодно сказала незнакомка и отверну-

лась, продолжая петь.

Мир рухнул. Я стояла посреди хора, сжимая в кулаке пустоту, и чувствовала, как земля уходит из-под ног.

В этот момент пение оборвалось. Так резко, будто кто-то перерезал струну. Тишина упала на зал, тяжелая, как могильная плита. Все головы повернулись к входу.

Вошел он.

Элиас. Без капюшона. Волосы зачесаны назад, лицо бледное, глаза горят — те самые, нечеловеческие, от которых кровь стынет в жилах и одновременно закипает где-то внизу живота.

Он шел медленно, и его шаги отдавались эхом под сводами. Черная ряса на нем сидела как вторая кожа — облегла плечи, струилась по полу.

Хор замер. Даже дыхание, кажется, остановилось.

Его взгляд скользнул по рядам — равнодушно, лениво, как у сытого хищника, который не спешит выбирать жертву. А потом остановился на мне.

— Выходи, — сказал он тихо. Так тихо, что я слышала только шепот своих вен.

Ноги приросли к полу. Сердце бешено колотилось, и я была уверена — он слышит его. Он чувствует мой страх.

— Я сказал — выйди, Анна, — повторил он, и в его голосе появились металлические нотки.

Хор расступился. Никто не произнес ни слова — они просто сделали шаг назад, оставляя меня одну.

Я сделала шаг вперед. Потом еще шаг. Белая ряса шелестела по полу, и этот звук казался мне оглушительным.

Элиас опасно улыбнулся.

— Ты пела, — сказал он, когда я остановилась в двух шагах от него. — Ты пела, не зная слов. Я видел твои губы. Они снова вращались.

Я молчала не зная что сказать. Он медленно обошел меня вокруг, и я чувствовала его обжигающий взгляд на своей спине.

— Ты пришла сюда в чужой одежде, — продолжил он,

останавливаясь за моей спиной. Его голос прозвучал прямо над ухом. — Ты выдаешь себя за ту, кем не являешься. Это ужасно, Анна.

Он положил руку мне на плечо, и я вздрогнула.

— Но самое страшное, — прошептал он, наклоняясь к самому моему уху, — что тебе это нравится.

Я закрыла глаза. Потому что если бы я смотрела на него сейчас, то рухнула бы на колени. Сама, без его приказа.

Выпрямившись он обратился к залу — громко, отрезая любые возражения:

— Оставьте нас.

Они не стали возражать. Бесшумно они двигались к выходу, как призраки. Я слышала только шелест ткани и удары своего сердца.

Когда последняя девушка вышла и закрыла за собой дверь. Мы остались одни.

Элиас снова подошел ко мне — теперь спереди. Встал так близко, что я чувствовала его дыхание на своем лице. Его

мужской запах окружал меня.

— Теперь расскажи мне, — сказал он, беря меня за подбородок и заставляя смотреть ему в глаза. — Ты пришла сюда за ней или за мной?

Его большой палец провел по моей нижней губе, и я не смогла сдержать предательского вздоха.

— Или ты уже не знаешь сама?

Я молчала. Потому что не знала ответа.

Он не повел меня за руку. Не коснулся. Просто шел вперед, и мои ноги двинулись сами. Я смотрела на его спину: прямую, широкую, абсолютно непроницаемую.

Мы шли долго. Коридор сужался, свет факелов исчезал, и в какой-то момент осталась только темнота, прежде чем он открыл дверь.

Комната оказалась маленькой — почти келья. В ней не было окон. Только одна масляная лампа на каменном полу, что едва освещала середину помещения. Там, в этом чахлам

свете, стояла купель. Старая, чугунная, почерневшая от времени. Вода в ней была черной — или просто казалась такой в полумраке.

— Раздевайся, — приказал Элиас.

Я не двинулась. Тогда он медленно повернулся ко мне. В свете лампы его лицо казалось вырезанным из камня — бледное, с острыми скулами и глазами. Но он не кричал. Он криво усмехнулся с явным удовольствием от моего ужаса.

— Ты боишься, Анна? — спросил он, делая шаг ко мне. — Или ты хочешь, чтобы я помог?

Он взял меня за подбородок, заставляя поднять голову.

— Я вижу твои глаза, — прошептал он. — Голодные. Ты стоишь здесь, дрожишь, а соски у тебя твердые, как пули. Я чувствую тебя, Анна.

Он наклонился к моему уху, и я почувствовала его горячее дыхание.

— Ты хочешь, чтобы я снова прижал тебя к стене? Чтобы мой язык оказался там, где ты не можешь себе даже представить?

Я могу представить, но не хочу. Закусив нижнюю губу я отвела взгляд.

— Краснеешь, — усмехнулся он. — Какая прелесть. Ты врешь всем вокруг. Но тело тебя выдает. Скажи честно, Анна... ты сейчас мокрая? От мысли, что я снова тебя прижму?

Он рассмеялся и этот смех рассыпался по комнате как дробь.

— В воду, — кивнул он на купель. Голос стал холодным. — Давай. Проверим, насколько сильно твое тело хочет того, чего боится разум.

— Там холодно, — выдавила я.

— Тем лучше. — он ухмыльнулся. — Лед лечит похоть. А ты, моя дорогая, больна. Мной.

Когда он понял, что я не собираюсь идти, он театрально вздохнул.

— Опять непослушание. Я так устал от твоего непослушания, Анна.

Он подошел, схватил меня за плечи и развернул к купели. Пальцы впились в кожу так сильно, что я вскрикнула.

— Тебе нравится, когда больно, — сказал он мне в затылок. — Я помню, как ты стонала в душевой. Как твои бедра сжимали мою голову. Ты думала, я забыл?

— Это было...

— Грязно? — перебил он. — Неправильно? Ах...да. Ты же святая. Ты же пришла за сестрой, а не раздвигать ноги перед главным культистом.

Он толкнул меня — и я оказалась на коленях перед купелью.

— Залезай, — приказал он. — Или я заставлю. Тебе это понравится?

Мои руки дрожали, а зубы стучали. Я перелезла через край и опустилась в ледяную воду. Холод резанул по моему телу. Я зашипела от такой температуры.

— О...да, — протянул Элиас, наклоняясь надо мной. — Видела бы ты свое лицо. Это страдание. Мое любимое. Знаешь, как ты сейчас выглядишь?

Он продолжил не дожидаясь моего ответа.

— Как девчонка, которую выпороли и бросили в канаву, — прошептал он с улыбкой. — Так и хочется тебя трахнуть прямо здесь, в ледяной воде. Чтобы ты кричала. Чтобы твои крики отдавались от этих стен. Но нет, — он покачал головой. — Сначала очищение. А потом... посмотрим.

Он зачерпнул ладонью воду и вылил мне на голову. Ледяные струи потекли по моему лицу, стекая вниз. Я стиснула зубы, стараясь не показывать эмоции.

— Чувствуешь? — спросил он, делая то же самое снова. — Это твоя ложь тает. Твое переодевание. Твоя грязная маленькая игра.

Он схватил меня за волосы и наклонил так, что мое лицо оказалось прямо у поверхности воды.

— Ты думала, что сможешь обмануть меня? — его голос стал низким, почти рычащим. — Ты, с твоими раздвинутыми ногами?

— Отпусти... — прошептала я.

— Отпустить? — он усмехнулся и погрузил мою голову в воду. Всего на секунду, но для меня это было слишком много. Я вынырнула, кашляя и захлебываясь. — Нет, Анна. Ты попросишь меня об этом. Ты будешь умолять.

Он окунул снова. Дольше, чем на секунду. Вода залилась в нос, в уши. Я барахталась, хватаясь за его руку, но он стоял неподвижно и смотрел.

Я жадно набирала воздух, когда он вытаскивал меня на поверхность, ища попытку хоть немного согреться.

— Чувствуешь, как дрожишь? — спросил он, прижимаясь губами к моему уху. — Это хорошо. Дрожь — это начало молитвы. А знаешь, что я еще чувствую?

Он опустил руку под воду, скользнул ладонью между моих бедер, и я выгнулась дугой — от холода, от стыда, от того, что его пальцы там, в ледяной воде, все равно горячие.

— Вот, — выдохнул он мне в шею. — Вот оно. Твое тело говорит со мной. Ты мокрая, Анна. И это не вода.

Он убрал руку и засмеялся.

— Какая же ты грязная. Какая же ты падшая. Ты пришла

сюда за сестрой, а течет у тебя от меня.

Я закрыла глаза. В этот момент я хотела исчезнуть. Провалиться сквозь дно купели. И не останавливаться.

Он резко нажал на мои плечи и я погрузилась в воду с головой. На этот раз я не боролась. Мои легкие горели, а в ушах шумела тишина.

Не знаю сколько времени прошло, когда он вытащил меня, я ничего не видела, кроме звезд, что плясали перед глазами

— Не торопись умирать, — произнес он подозрительно нежно, вытирая мое лицо рукавом своей рясы. — У нас еще много дел, маленькая лгунья.

Дрожа всем телом, я могла лишь беспомощно повиснуть на бортике.

— Выпей это, — он вложил мне в ладонь две маленькие таблетки.

— Что... что это? — спросила я, с трудом ворочая языком.

— Лекарство от тебя самой, — он улыбнулся. Улыбка бы-

ла ласковой. Но глаза его — холодными как лед. — Пей. Я знаю, что тебе нужно. Ты тоже знаешь. Просто перестань притворяться, что ты здесь не ради этого.

Он вложил таблетки мне в рот. Поднес чашу с теплой водой — пахло вином и медом, но я проглотила.

— Умница, — он провел пальцем по моей щеке. — Моя послушная, грязная, прекрасная умница.

А потом мир начал таять. Стены поплыли. Я увидела Сару — она стояла в углу и смотрела на меня с укором.

— Прости... — прошептала я.

— Она тебя не слышит, — сказал Элиас, прижимая меня к себе. — Сейчас только ты и я. Только твой стыд и мое прощение.

Я закрыла глаза. И провалилась в темноту, чувствуя его руку на своей спине.

Последнее, что я услышала — его шепот:

— Спи, моя заблудшая овечка. Когда проснешься — ты станешь моей. Я помогу тебе найти дорогу ко мне.

Глава 10

Сара

Я потеряла счет времени.

Сначала стучало сердце. Туки-тук, туки-тук — как дятел по дереву. Потом дышала. Вдох-выдох, вдох-выдох — как кузнечик в траве. Потом просто лежала.

Пол холодный, моя спина очень болела.

Я в шкафу, в том где хранят старые вещи. Я вытягиваю руку — касаюсь стены. Другую — касаюсь. Метр туда, метр обратно.

Солнца не было. Даже щелочки под дверь. Свет не пробивается — будто его вообще нет.

Но он был здесь. Сидит и ждет, когда я ошибусь.

Сначала я плачу. Громко, размазывая слезы по щекам. Потом мне надоедает.

Я обнимаю живот, чтобы он успокоился. На какое то вре-

мя он успокаивается, а затем снова урчит. Потом я становлюсь слабой. Мне тяжело поднять даже руку. Пальцы тяжелые как камни. Потом я слышу отца.

«Птичка ты где? Я волновался за тебя» Он спрашивает где я? Не знаю. Я не помню, отец.

Затем я слышу его. Он очень злой, шипит как соседский кот.

«Ты ничтожество. Не умеешь даже петь правильно. Зачем ты вообще родилась?»

Зажимаю уши. Не помогает.

Только Анна не говорит. Я зову ее — в темноту, в пустоту, в этот холодный каменный мешок:

— Анна! Анна, пожалуйста! Найди меня!

Но она не приходит.

В горле пересохло, вода закончилась. В первый день. Я выпила все сразу — не подумала, что завтра тоже захочется пить. Теперь губы трескаются. Я облизываю их — язык шершавый, как наждак.

«Умру, — думаю я. — Прямо здесь. И никто не узнает».

Мои мысли перебивают шаги. Он крадется как кот. Слышу скрип засова. И свет — боже, какой яркий — бьет в глаза, даже сквозь закрытые веки.

— Сара?

Голос знакомый. Мягкий. Я поворачиваю голову, щурюсь.

— Майк?

Он стоит в дверях. Такой высокий. Свет лампы делает его волосы золотыми.

Мы мало говорили раньше. Он был из тех, кто всегда в тени — стоит в хоре, открывает рот, но голоса его почти не слышно. Я помню только глаза — серые, светлые. И уши, которые краснеют, когда я с ним заговариваю.

Он хороший. Не такой, как другие.

— Ты как? — опускается на корточки. Лампа стоит на полу, выхватывает из темноты его уставшее лицо.

— Принеси мне воды, — шепчу.

Он сразу протягивает флягу. Вода теплая, с металлическим привкусом. Но я пью жадно, проливая на грудь, не могу остановиться.

— Медленнее, — говорит он, забирает флягу. — А то стошнит.

— Где я?

— Карцер. Для непослушных. Тебя закрыли на три дня.

— Сегодня третий, — кивает он. — Я ждал, когда стража уйдет. Они меняются в полночь. У меня двадцать минут.

Он трогает мой лоб своей шершавой, теплой ладонью и я невольно закрываю глаза. Мне лучше.

— У тебя жар.

— Я просто замерзла, — вру я.

Потому что не хочу, чтобы он знал, как мне страшно. Не хочу, чтобы жалел.

Он достает из кармана сверток. Разворачивает и дает мне крошки. Вид у них был такой, будто на них уже наступали. Хлеб, который рассыпался в пыль, пока он бежал по коридорам.

— Я хотел принести больше, — голос у него дрожит. — Но если бы меня поймали...

— Ты пришел, — перебиваю. — Это главное.

Крошки собираю с пола. С мусором, с пылью — все равно. Отправляю в рот. Почти не чувствую вкуса, но тепло разливается по животу, и голод отступает. Лишь самую малость.

— Кайл рассказывал про тебя, — говорит он вдруг. — Что ты просила его сбежать.

Я не отвечаю.

— Ты правда хочешь уйти?

— А ты? — спрашиваю в ответ.

Он поднимает на меня грустные глаза. В первый раз когда я увидела его, я думала, что у него красные глаза. Теперь я знала почему. Он мало спит. Отец говорит, что он спит мало

из-за работы. Неужели и у Майка она есть?

— Не знаю, — говорит тихо. — Я здесь с детства. У меня никого нет. Только они.

— Майк, — беру его за руку. Его ногти обкусаны до крови. Он вздрагивает, но не отталкивает меня. — Мы можем уйти вместе. Отец тебе поможет.

Он молчит, но его пальцы сжимают мои. Я замечаю как уголок его губ блестит, напоминая мне джем.

Я смотрю на это пятно, и во рту появляется слюна. Еще немного — и потечет по подбородку.

— Ты... ты ел что-то сладкое?

Мой вопрос смутил его. Он снова покраснел. Я вижу в свете лампы.

— Я забежал на кухню, — бормочет. — Никто не видел. Просто ложку. Я хотел...

Я не даю договорить, наваливаюсь вперед — и слизываю.

Со стороны я, наверное, похожа на голодного зверька. Но

почему-то мне совсем не стыдно. Провожу языком по его нижней губе — медленно, стараясь не упустить ни капли. Вишня. Кисло-сладкий. Такой вкусный, что кружится голова.

Он замирает, не дыша. Смотрит на меня своими широкими глазами.

— Прости, — шепчу, отстраняясь. — Я просто...

Наверное, он решил мне отомстить. Его губы неумело падают на мои засохшие, нос упирается в щеку, но мне все равно. От него пахнет джемом и хлебом. Он просто мальчик, который пришел в темноту, потому что я просила.

Он больно сжимает мои плечи прижимая к стене, но у меня нет сил сопротивляться.

Здесь холодно. Страшно. Темно.

Но сейчас мне тепло.

— Сара, — шепчет, отрываясь. Лоб упирается в мой лоб, дыхание сбитое, горячее. — Я служу Элиасу... я не могу...

— Тогда не служи, — говорю зло. — Служи мне.

Он закрывает глаза. Ресницы мокрые. Я не знаю, плачет он или нет. Может быть, я тоже плачу. В темноте не разглядеть.

— Я принесу еду, — говорит, открывая глаза. В них такая решимость, будто он идет на войну. — Как только смогу. Обещаю.

— Обещаешь - обещаешь?

— Клянусь собой.

Он целует меня в лоб — легко-легко. И уходит.

Дверь закрывается и я остаюсь одна.

Темнота возвращается — мягкая, бархатная, колыбельная.

Я закрываю глаза и успеваю улыбнуться. Но улыбка сходит с моего лица, как только в проеме вырастает другая тень. Этот человек — он намного выше Майка, намного страшнее, намного сильнее. И мне не нужно смотреть ему в лицо, чтобы знать, кто это.

Элиас — тот, кого боятся все. Он входит и молча садится на край моей койки.

— Сара, — голос мягкий, усталый. — Ты ничего не ела.

— Не хочу, — вру я.

Он лишь вздыхает, его рука касается моей головы, медленно гладит, будто пробуя на ощупь. Пальцы ледяные, такие же холодные, как смерть. И длинные — точно лезвие ко-сы. Таких рук у Майка никогда не было.

Я не отстраняюсь.

— Я знаю, что ты делала, — говорит он тихо. — С Майком.

Мое сердце замирает.

— Он не виноват, — говорю быстро. — Это я... я сама...

— Я не хочу злиться, — перебивает. — Он хороший мальчик. Немного запуганный, но хороший.

В его руке материализуется ложка. Он подносит ее к моим губам. Рисовая каша, сладкая, с молоком. Я не хочу, но рот

открывается сам. Он смотрит серьезно, без улыбки.

— Ты хочешь сделать больно себе или другим?

— Не знаю, — шепчу.

Ложка снова у губ. Я ем, наслаждаясь теплу, что разливается по телу. Кажется, теперь я могу пошевелиться.

— Ты не должна здесь быть, — говорит он. — Я говорил им. Но они не слушают.

Я смотрю на него и вижу мальчика. Он младше меня, но совсем не выглядит испуганным. Я не понимаю как он оказался здесь. Все из-за волшебной каши? Чужь.

— Кто — они?

— Те, кто старше меня, — отвечает он. — Те, кто приказывают. Я не могу защитить тебя здесь. Но ты можешь помочь себе сама.

— Как?

— Будь тихой и послушной. Не привлекай внимания. Делай, что говорят.

Затем встает, поправляя свое нелепое черное платье.

— Они скоро придут за тобой. Я буду рядом. Постараюсь чтобы твой отец нашел тебя раньше.

— Элиас...

Он останавливается у двери. В темноте я не вижу лица, но знаю, что он обернулся.

— Спасибо, — говорю тихо. — Что пришел.

Он молчит секунду, прежде чем ответить:

— Ты не должна благодарить меня, Сара. Ты даже не должна прощать.

Опять темно. Я сворачиваюсь калачиком, утыкаюсь носом в колени.

— Пэнни, — шепчу в темноту. — Я скучаю.

Глава 11

Элиас.

Я не помню своего настоящего имени. То, которое дала мне мать, умерло вместе с ней. Отец Элиас... этим именем меня нарекли позже. Когда я уже стал тем, кем должен был стать.

Но до этого — я был просто мальчишкой. Грязным, тощим, с руками, которые вечно дрожали от холода или от страха — уже не важно.

Нас было много. Много — тех, кого культ подбирает на обочине. Сироты. Бродяги. Дети, о которых никто не вспоминает.

Я жил тогда в старом трейлере на окраине. Недалеко от леса. Недалеко от дороги, по которой иногда проезжали машины. Я сидел на крыльце и смотрел, как заходит солнце — это было единственное, что я любил. Закат, ведь он не требовал слов. Не кричал: «Молись, ублюдок, пока колени не сотрутса в кровь».

В тот вечер я увидел ее.

Она шла по обочине босиком. Белое платье — слишком чистое, слишком светлое для этого места. Длинные темные волосы, спутанные ветром.

Я не знал, откуда она идет, но знал, что она потерялась. Потому что в ее глазах был тот же страх, который я видел в зеркале каждую ночь.

Она остановилась напротив моего трейлера и посмотрела на меня.

— Ты тоже один? — спросила она. Голос у нее был тонкий, как струна.

Когда я не ответил, она подошла ближе. Сделала три шага по грязи, не боясь испачкать свое чистое платье. Мой нос почувствовал ее сладкий запах.

Она протянула руку. В ладони у нее лежала конфета — в мятой обертке, с оторванным уголком.

— Держи, — сказала она. — Мне мама дала две. А я одну съела. Вторую даю тебе.

Я не взял, смотрел на ее пальцы — маленькие, грязные

на кончиках. И мне вдруг захотелось заплакать. Впервые за долгое время.

— Ты чего молчишь? — спросила она, наклоняя голову.
— Ты немой?

— Нет, — выдавил я.

— А почему не берешь? Я не кусаюсь.

Она засмеялась. Звонко как колокольчик. В этом смехе не было насмешки — только удивление. Она правда не понимала, почему кто-то отказывается от сладкого.

Мои пальцы коснулись ее мягкой ладони. И меня ударило током.

Не дружба. Что-то другое. Наверное жадность. Понимание того, что я хочу забрать ее с собой. Спрятать. Чтобы никто больше никогда к ней не прикасался.

— Ты откуда? — спросил я.

— Из города, — она махнула рукой куда-то за горизонт.
— Но я заблудилась. Я шла за бабочкой, а потом потеряла дорогу.

— Дура, — сказал я.

Она не обиделась. Только пожала плечами.

— Отец говорит, что я невнимательная, а не дура. А вот ты - злой.

— Я не злой. Я... — я замолчал. Я не знал, кто я.

— Можно я посижу с тобой? — спросила она. — Я устала.

Она села рядом, на грязные ступеньки, и положила голову мне на плечо. Я чувствовал ее вес и мне показалось, что мир перестал вращаться.

— Меня зовут... — начала она.

— Не надо, — перебил я. — Не говори.

Она подняла на меня удивленные глаза.

— Почему?

— Потому что, если я узнаю твое имя, я никогда тебя не отпущу.

Она не поняла. Конечно, не поняла. Она ведь совсем малышка.

Улыбнувшись, она закрыла глаза. Уже через минуту девочка уснула у меня на плече. Такая доверчивая и глупая.

Я же не спал. Смотрел на закат и знал: однажды я найду ее. Или она найдет меня. И тогда я ни за что ее не отпущу. Ни за что.

— Белл! — услышал я. Рядом с нами стоял мужчина с тревожными глазами. Он смотрел на девочку, которая сидела рядом со мной.

Проснувшись она потерла глаза и улыбнулась ему — так же, как улыбалась мне минуту назад.

— Папа! Я нашла друга! — радостно прокричала она.

Ее отец посмотрел на меня. В его взгляде я прочитал все — жалость, отвращение, желание увести дочь подальше от этого грязного места и грязного мальчишки.

— Пойдем, — сказал он и взял ее за руку.

Она обернулась на ходу.

— Пока, мальчик! Спасибо за компанию!

Я молча смотрел, как ее белое платье исчезает в сумерках. Как волосы мелькают между деревьями. Как мир забирает у меня единственное светлое, что когда-либо ко мне прикасалось.

В ту ночь я не спал.

Я сидел на крыльце, сжимая в кулаке мятую обертку от конфеты, и шептал в темноту:

— Я найду тебя, когда вырасту. И ты станешь моей. Ты даже не вспомнишь этого дня, но я запомню.

И я запомнил.

Глава 12

Анна

Сознание возвращалось неохотно, словно продираясь сквозь вязкую, черную патоку. Сначала один-единственный звук — глухой, монотонный гул, похожий на далекий рев океана. Затем к нему добавились голоса. Они доносились словно сквозь толщу воды: неразборчивое бормотание, обрывки фраз, лишённые смысла.

Я не понимала, где нахожусь. Реальность казалась чужеродной, холодной. Этот холод я чувствовала всем телом, каждой клеткой кожи. Он пробирал до костей, заставляя дрожать. Опустив мутный взгляд вниз, я увидела на себе лишь тонкую белую ткань, похожую на саван. Она едва прикрывала мою грудь, спускаясь вниз к бедрам и совершенно меня не грела.

Попытка пошевелиться отозвалась тупой болью в затылке и металлическим лязгом. Запястья и щиколотки были скованы. Я лежала на чем-то твердом и ледяном, похожем на каменный алтарь.

— Тише, — голос раздался прямо над ухом, резкий и

властный.

Я дернулась в сторону, пытаюсь отстраниться от источника звука, но лишь натянула цепи. Надо мной нависла высокая тень. Лица было не разглядеть в полумраке, но я чувствовала на себе тяжелый, изучающий взгляд. Силуэт склонился ниже.

— Не бойся, Анна. Ты в безопасности.

«В безопасности?». Эта мысль показалась мне абсурдной и смешной одновременно. Я в цепях, голая, на холодном камне. Кто этот человек? Я попыталась сфокусировать взгляд. Темные волосы, резкие черты лица... Элиас. Имя вспыхнуло в памяти огнем. Тот, кто привел меня сюда. Тот, из-за кого все это началось.

Паника ледяной волной смыла остатки оцепенения.

— Где Сара? — мой голос был хриплым, чужим. — Что вы с ней сделали? Отпусти меня!

Мужчина замер на секунду, а затем его ладонь с неожиданной для такого крупного человека нежностью легла мне на лоб.

— Спи, — его шепот был последним, что я услышала перед тем, как спасительная тьма снова поглотила меня.

Но даже в забытии я чувствовала его прикосновение и знала: он не спаситель. Он — мой тюремщик.

Когда я открыла глаза, я увидела их. Десятки людей, слившихся в единое темное кольцо, склонились передо мной. Их лица были скрыты глубокими капюшонами черных ряс. Я не видела их глаз, но физически чувствовала на себе их липкие, голодные взгляды, скользящие по моему телу под тонкой тканью.

— Проснулась... проснулась... — повторяли они один за другим, нараспев. Их голоса сливались в единый, монотонный гул. Они говорили что-то бессвязное, бормотали на языке, которого я не знала и не могла понять.

— Прекратите! — крикнула я, пытаюсь сесть. Цепи зазвенели, но толпа лишь отшатнулась на шаг, не нарушая круга.
— Вы все — кучка больных идиотов!

— Где Элиас? — мой голос сорвался. Я должна была найти его. Он был здесь главным. Он ответит за все.

— Отец Элиас скоро придет, — ответила одна из фигур. Голос был женским, но лишенным каких-либо эмоций, словно запись. — А пока мы готовим тебя. Ты должна быть чиста.

— Что вы несете?! Что вы со мной делаете?!

Я не сразу поняла, что происходит. Один из культивистов приблизился ко мне с чашей из темного камня, от которой поднимался густой, удушливый дым. Другой начал нараспев читать заклинание громче остальных. Воздух в комнате сгустился, становясь тяжелым. Запах благовоний бил в нос, смешиваясь с запахом сырого камня.

Мир начал терять четкость. Голоса становились то оглушительно громкими, то отдалялись до едва слышного шепота. Каменный алтарь подо мной поплыл.

Внезапно гомон стих. В повисшей тишине раздались шаги — уверенные, неторопливые. Из темного коридора в круг света шагнул он.

Элиас.

Он был одет так же, как и остальные, но его осанка и властность сразу выделяли его. Он медленно обвел взглядом сво-

их последователей, и те мгновенно склонили головы еще ниже, отступая в тень.

— Достаточно, — его голос был тихим, но прозвучал как удар хлыста. Он не кричал. Ему и не нужно было.

Он подошел ко мне. В его глазах я видела лишь лед и презрение.

— Ты кричала? — холодно спросил он, глядя на меня сверху вниз. — Как... неосмотрительно с твоей стороны. Они лишь исполняют свой долг.

Внезапно его лицо изменилось. Лед в глазах растаял, сменившись чем-то похожим на искреннюю тревогу и даже нежность. Он протянул руку и коснулся моей щеки. Его пальцы были теплыми.

— Анна... бедная Анна. Ты так напугана. Я здесь, чтобы помочь тебе пройти через это. Это для твоего же блага.

Его прикосновение было мучительно приятным на фоне окружающего ужаса. Я хотела отстраниться, но тело не слушалось. Комната вокруг меня начала кружиться с бешеной скоростью. Свет от факелов на стенах вытягивался в длинные, пульсирующие полосы.

И в этом хаосе, на самой границе угасающего сознания, я увидела девочку.

За спинами культистов, в темном углу, куда не доставал свет, стояла маленькая девочка. Она была не старше десяти лет. Копна темных волос и широко распахнутые, полные ужаса глаза — мои глаза. Она не была частью этого ритуала. Она просто стояла там, прижав к груди старую тряпичную куклу, и смотрела прямо на меня. В ее взгляде не было ни злобы, ни фанатизма — только чистый, детский страх и немой вопрос: «Что они с тобой делают?».

А потом все исчезло.

Я стояла босыми ногами на мягкой, зеленой траве. Воздух пах летом и ромашками. Я подняла глаза и увидела свой старый дом. Тот самый, из детства. Солнце ласково грело кожу.

На лужайке перед домом цвело бескрайнее поле ромашек. Их белые лепестки покачивались на ветру.

Из-за угла дома выбежала девочка лет пятнадцати. У нее были мои глаза и такая же копна непослушных волос.

— Сара? — прошептала я, не веря своим глазам.

Она обернулась и улыбнулась мне той самой солнечной улыбкой из моих воспоминаний.

— Ты долго спала! — крикнула она звонким голосом и побежала ко мне.

В одно мгновение все страхи и боль исчезли. Осталась только она — моя сестра, живая и настоящая.

— Найди меня, Пенни! — кричит Сара, убегая вдоль поля и направляясь в лес. Сделав глубокий вдох и почувствовав запах детства, я ощутила, как в груди стало тесно от воспоминаний, и, долго не раздумывая, побежала за ней.

— Когда я найду тебя, тебе лучше никогда больше не прятаться от меня! — кричу я ей.

Ее смех, звонкий и беззаботный, был мне ответом. Он эхом разносился между деревьями, дразня и ускользя. Я ворвалась в прохладную тень леса, и мир вокруг мгновенно изменился. Солнечный свет, игравший на ромашках, теперь с трудом пробивался сквозь плотный полог вековых елей, превращаясь в редкие, танцующие пылинки. Воздух здесь был

другим — густым, пахнущим влажной землей, прелой листво́й. Это был запах моего детства, запах наших с Сарой тайн.

Мои ноги сами помнили эту тропинку. Мы были здесь тысячу раз, играли в прятки и строили шалаши. Каждый корень, выпирающий из земли, каждая низко нависшая ветка были мне знакомы. Я перепрыгнула через поваленное дерево и на мгновение увидела нас обеих, сидящих на нем и делящих одно на двоих яблоко.

— Сара! Стой! — крикнула я, но мой голос потонул в зеленой тишине.

Впереди показалась наша поляна. В центре нее стоял наш старый дом на дереве — неуклюжее сооружение из досок и старых одеял, которое мы гордо именовали своей крепостью. Дверной проем, занавешенный выцветшей тканью, был чуть приоткрыт.

Я знала, что она там. Я медленно подошла к хлипкой лестнице, прислоненной к стволу.

— Сара? — тихо позвала я, отодвигая полог.

Внутри было тихо. На полу, скрестив ноги, сидела она. Но это была не та пятнадцатилетняя девочка с поляны. Это бы-

ла та Сара, которую я помнила в последний раз — с глазами, полными недетской тоски. Она подняла на меня взгляд и улыбнулась, но улыбка была грустной.

— Ты нашла меня, Пенни, — прошептала она.

Я бросилась к ней и крепко обняла, вдыхая запах ее волос. Она была такой реальной, такой теплой.

— Я больше никогда тебя не отпущу, — прошептала я ей в макушку.

Она отстранилась и посмотрела мне прямо в глаза. Ее пальцы коснулись моей щеки.

— Ты должна отпустить меня, — ее голос прозвучал глухо, но с непривычной твердостью.

— Что ты такое говоришь? Я не могу без тебя...

Она лишь закусила губу, и в ее глазах, которые я так любила, начала собираться влага. Я не понимала, почему она плачет. Мы ведь вместе. Я наконец нашла свою сестру.

— Ты ни в чем не виновата, Анна, — тихо произнесла она.

И внутри меня щелкнул выключатель.

Мирная, залитая солнцем поляна перед глазами пошла трещинами. Я резко отстранилась от нее, глядя в родное лицо. Не в силах сдерживать себя, давая волю слезам и крикам, вспоминая ту ужасную ночь, когда моя привычная, счастливая жизнь потеряла свое существование. Ночь, когда я услышала ее крик и ничего не могла сделать.